

Кайсын КУЛИЕВ

ЧАБАН

МНЕ БЫЛО лет восемь. Я пас отару высоко в горах — на летнем пастбище Кая-Арты. Утром овцы медленно поднялись по росистой траве на зеленую высоту. Я так же медленно шел по влажному склону, смотрел на снежные вершины и спокойные облака. Мне казалось, что они пасутся на небе, как мои овцы на склоне горы. К полудню отара, наевшись травы, легла. Я тоже лег и стал смотреть на белые и зеленые горы, на синее небо над ними и вскоре уснул. Сколько прошло времени — не знаю, но когда проснулся, не было ни белых, ни зеленых гор, ни синего неба, ни задумчивых облаков — все пастбище покрыл густой и теплый туман. Не было и моих овец. Легко себе представить мое горе. Сначала я бегал в тумане, надеясь найти отару, бегал, пока не выбился из сил и не потерял надежды. Потом упал на траву и разрыдался. Уже стемнело. Идти домой? Я хорошо знал, что меня ждет. И все же я пошел на стойбище.

Шел я очень медленно. Мне хотелось встретиться с наказанием как можно позже. Казалось, что мои босые ноги жгут та мягкая и добрая трава, на которой я так сладостно спал. И все же я очень скоро, как мне показалось, предстал перед моим родственником по имени Маждид. Он довольно долго с удивлением смотрел на меня, растерянного и несчастного. Мне казалось, что мои худые штанишки и бешмет горят на мне и вот-вот я сам сгорю вместе с ними.

— Где овцы? — спросил Маждид.

— Пропали.

— Что?

— Я уснул... Проснулся... Их не было... Туман... Пробормотав эти слова, я понял, что здоровый, сильный, с загорелым лицом мужчина тут же набросится на меня и будет бить нещадно. Но у меня не было выхода. Если бы я попытался бежать, он в один миг догнал бы меня, и наказание удвоилось бы. Я стоял перед ним, опустив голову, в отчаянии, терзаемый страхом и сознанием своей вины.

— Ах ты щенки! — закричал здоровенный родич, кинулся на меня и ударил кулаком по лицу. Под моими ногами закачалась земля, я упал. Хлынула кровь из носа, окрасив на груди мой засаленный, заплатанный мамой бешметик. Я попытался подняться, но упал снова. Маждид продолжал меня бить и при этом приговаривал:

— Ах, бездельник! Ах ты пустой мешок! Засохшая козлиная шкура!

Сколько времени так продолжалось — не помню. Поостыв, истязатель поднял меня с земли. Не дав смыть кровь с лица, погнал меня искать отару. Мы шли в тумане по узеньким овечьим тропинкам и влажной траве. Я уже ни о чем не думал и ничего не понимал, у меня теперь не было ни страха, ни сожаления, ничего, кроме ненависти к человеку, который причинил мне такую боль, так унизил меня, слабого и беспомощного.

— Ну, стой! Ну, стой! Твое счастье, если отара найдется. А если ночью волки перережут овец, я убью тебя, как щенка!

Я молчал. Сила была на его стороне. Долго ходили мы по склонам и ложбинам, но отару так и не нашли. Туман становился все гуще. Мы вернулись к нашему жилью. Маждид продолжал браниться и все грозил, что убьет, обязательно убьет меня, если овцы не найдутся. Он не дал мне поест, хотя я ничего с утра не ел, и я, забившись в угол, уснул на соломе...

Маждид разбудил меня, грубо пихнув в бок ногой. Открыв глаза и вспомнив свой вчерашний ужас, я сразу же вскочил и вышел из жилья. Был ранний рассвет. Как и вчера утром, на синем небе, над белозной гор и зеленой склонов не было ни облачка. Всюду была красота и счастливая ясность летнего рассвета. Отары не было видно. Тогда опять померкла для меня белизна гор, зелень травы и синева неба.

Я был голоден. Но ничего не сказал. Скажи о своем голоде, думал я, он еще начнет бить, уж лучше терпеть. Мы пошли искать отару. Идти пришлось недолго. В лощине за большим холмом паслись потерянные мною овцы. Они паслись так же мирно, как вчера утром и как тысячу лет назад. И я снова стал счастливым — белые горы, зеленые склоны, трава, облака опять стали для меня прекрасными и добрыми, весь этот мир, который внешне померк вчера, снова стал таким милым, точно в нем не могло быть насилия, оскорбления, горя и голода.

Маждид пересчитал овец. Убедившись, что все овцы целы, он вроде бы и не обрадовался. Мне показалось, что он был бы рад еще раз наказать меня. А я был счастлив.

В ТОТ ЛЕТНИЙ день, когда я потерял в тумане отару, беда эта случилась со мной потому, что уже не было в живых моего волкодава Бой-

нака. Кличка эта по-балкарски означает — собака с белой шеей. У нашего пса действительно шея была белая, сильная. Ах, какая это была красивая, умная собака! Порода балкарских волкодавов и впрямь замечательна. Щенков этой породы в горах воспитывают особенно. Их не подпускают к обычным собакам, оберегая от порчи, от дурного влияния. Они никогда не входят в дом и скорее умрут с голоду, чем тронут без позволения пищу. Сами пасут отару, охраняют ее от волков. Они очень злы к тем, кого не знают, и очень добры и ласковы к знакомым, никогда не лают и не набрасываются на детей. Если пришел гость и хозяин ввел его в свое жилье, то овчарки признают гостя и перестанут лаять на него. В нашем поэтическом фольклоре балкарская овчарка занимает большое место. Я с детства помню наизусть народную поэму, главный персонаж которой собака «с желтыми ногами».

Однажды вечером из-за гор на летнюю стоянку чабанов в ущелье явились «гости». В старые времена, когда еще существовала вражда между разными племенами, соседи часто совершали набеги на отары в горах. Угоняли скот и молодых подпасков, которых потом превращали в своих работников. Так случилось и на этот раз, когда отара Айдобола паслась в горах. Старый чабан сразу понял, что за гости пожаловали к нему, но вида не подал. Он пригласил «гостей» в кош, сказал, что зарежет для их угощения барана, спрятав мальчиков-подпасков в пещере, а собаку послал в аул к Айдоболу.

Овчарка с желтыми ногами добралась до аула, забежала во двор Айдобола и, став у дверей, начала отчаянно лаять. Хозяин велел накормить ее. Дали ей поесть, но она даже не прикоснулась к пище, а повернулась в сторону гор, где остались отары и пастухи, и залаяла еще громче. Сначала не понимали люди, почему она прибежала среди ночи и почему так необычно ведет себя. Собака же, никогда не входившая в жилье людей, вдруг вбежала в дом и с громким лаем кинулась к оружию, висевшему на стене. Тогда Айдобол понял все. Он велел сыновьям быстро седлать коней. Вместе с родичами и соседями отряд помчался ночью в горы, к отарам. Собака бежала рядом. Когда на рассвете разбойники собрались угнать отару, их настиг отряд Айдобола. Так волкодав с желтыми ногами спас отару Айдобола и двух мальчиков, которых грабители хотели угнать в плен.

НАШ ВОЛКОДАВ Бойнак с белой шеей тоже был из породы Собаки с желтыми ногами, которая служила незабываемую службу своему хозяину Айдоболу, за что и была воспета неизвестным народным поэтом. Когда мне было лет шесть-семь, старшие часто оставляли меня на ночь на пастбище с отарой, а сами уходили в аул. На рассвете овцы поднимались и уходили пастись. Мой Бойнак пас их и сторожил, как настоящий чабан, а я продолжал спать. Я любил его больше ослика, мула, даже красивого скакуна с тонкими ногами. Не раз дождливой ночью волк приближался к отаре, и Бойнак, учуяв хищника, кидался ему навстречу и схватывался с ним. Не было случая, чтобы он один на один не одолел волка. Но однажды перед дождливым рассветом на нашу отару напали сразу три волка. Бойнак отважно бросился в бой. Проснулись пастухи, раздались выстрелы. Волки пустились бежать. Бойнак погнался за ними. Над высоким желтым обрывом завязалась схватка. Когда мы прибежали, один из хищников лежал с перегрызненным горлом, двое ушли. А Бойнак был при последнем издыхании. Он смотрел на меня, и в глазах его было такое горе! Мне казалось, что он ждет от меня помощи. Ведь он выручал меня столько раз, а я стоял над ним, умирающим, и ничем не мог помочь своему любимцу в его самый горестный час! Я присел на траве, обнял его большую красивую окровавленную голову и заплакал. Белая шея Бойнака вся была в крови, будто облили ее кизилевым соком. Так встретил свой последний час храбрый волкодав Бойнак, всю жизнь так верно и преданно, так отважно служивший людям.

Бойнака не стало. Найти другого волкодава было не так-то легко, эти собаки ценились в горах не меньше любого коня. И все-таки нужен был какой-то выход, чтобы отара по утрам в тумане не уходила далеко. И я нашел выход. В отаре был большой серый баран с закрученными рогами. Я стал приучать его ложиться отдельно от овец во время их дневного отдыха. Я клал голову на серого барана и засыпал. Когда же вставали овцы, вставал и баран. Голова моя падала на траву, я просыпался. Таким способом,

счастливым придуманным мною, я спас себя от лишних неприятностей. Больше ни разу не терял отару, какой бы туман ни был на пастбище. Теперь всю любовь я перенес на Серого барана, он стал моим другом-спасителем.

Однажды, когда взрослые мужчины косили сено, мальчик моего возраста по имени Саид пас овец, а я — кочхаров. Пастбище, где я пас баранов, находилось между скалами, бараны паслись на склоне над пропастью глубокого ущелья Кулемен, покрытого лесом и высокой травой.

Сытые и справные кочхары любят драться друг с другом. Не раз дрались и мои бараны. Когда они начинали бой, над пропастью стоял такой сильный стук их крепких рогов, что скалы отвечали эхом.

День был ясный, жаркий. Мои бараны паслись в тени ветвистого дуба. Я лежал на спине и смотрел на редкие белые облака, похожие на шерсть, которую так часто чистила и прала моя мама во дворе, когда я играл возле нее или скакал, сделав себе из палки коня. Я с нежностью, сладостно вспоминал об этом, потому что тосковал по своей маме. В это время из-за рыжеватой скалы вылетели два орла и вступили в бой между собой. Небо было такое большое, такое просторное. Неужели этим орлам, думал я, не хватает места в бескрайнем небе? Чего они не поделили — этого я не понимал. Бой шел жестокий. Когда один из них отлетал прочь, другой бросался за ним. Улетавший, собрав силы, снова поворачивал назад, и вновь враги вступали в схватку. Мне была известна поговорка: когда дерутся два орла, стрелку достается пух. Две огромные птицы продолжали драться, но мне не доставало пуха. Я ведь был не стрелком, а маленьким чабаном, тосковавшим по маме. Мне еще не доверили ружья. Я только завидовал взрослым, у которых были ружья, горячо завидовал. Мне казалось, что я мог бы быть метчайшим стрелком, если бы мне дали ружье. Орлы, продолжая драться, скрылись за рыжей скалой.

Вдруг я услышал знакомый стук рогов. Оглянувшись, увидел, что мой Серый кочхар, мой любимец, дерется с Черным бараном, который был первым драчуном. Бой шел прямо над пропастью. Я очень боялся за моего Серого кочхара. Дрался он обычно редко, не любил этого. Склон был отвесный, и каждый из баранов во время боя старался оказаться повыше другого и с разбега ударить противника. Вот мой Серый оказался в выгодном положении — повыше на склоне. Он бросился на Черного. Посыпались искры от рогов. Черный не сорвался в пропасть, отскочил в сторону, потом сумел сделать несколько шагов вверх и теперь уже он оказался выше моего Серого. Он сразу же напал на противника, снова сшиблись они сильными рогами. В отчаянии, взяв большую пастушескую палку, я подбежал к драчунам, но ничего не мог сделать. Мне казалось, что вот-вот победит мой Серый, но в какой-то миг, когда он оказался ниже Черного, в бой вступил третий — Белый. Черный и Белый сверху набросились на моего кочхара и одновременно ударили его. Я в ужасе закрыл глаза. Когда же открыл их, моего любимого кочхара не было, он исчез. А Черный с Белым, будто ничего не случилось, мирно щипали траву. Я подошел к краю пропасти, посмотрел вниз и заплакал.

Мне было так больно, что я даже не думал о том, будут ли вечером взрослые ругать меня за то, что пропал баран. Я никак не мог понять, почему дерутся все — люди, орлы, быки, собаки, козлы, даже воробьи.

Мои родичи, узнав вечером о гибели барана, не стали ругать меня. Все они были опытные скотоводы и знали, что разнять дерущихся баранов я, восьмилетний мальчуган, не мог.

Этим кончилась история с гибелью Серого кочхара. Только она, эта история, навсегда осталась в моей памяти, вместе с зелеными склонами пастбища, с рыжими, желтыми, темными скалами, белыми вершинами, быстрыми речками, звенящими родниками, синим небом над ними, гордо вылетающими орлами; с моим детством, к которому теперь уже нет дороги, только память моя может возвращаться туда.

Там остались мои первые радости и первые горести, первые приобретения и первые утраты, первые удивления и первые огорчения, впервые услышанные слова и песни, сказки, легенды, мои первые деревья и первая трава, мой первый снег и первый дождь, мои первые игры и первые праздники, мой первый хлеб и вода, первые слова матери и первая ее улыбка, мой первый новенький бешмет, шитый моей мамой, мой первый огонь в очаге родительского дома, мой первый букварь и картинки в нем, первые буквы, которые неумело выводила моя детская рука...

* Из книги «Колосья и звезды». Полностью произведение будет опубликовано в журнале «Знамя».